

Заключеніе.

1. Можно ли считать историческій взглядъ безусловно истиннымъ?

Въ послѣдней главѣ введенія было выяснено, что всякая данная истина относительна, что абсолютной истины познаніе дать не въ силахъ. Затѣмъ излагался историческій взглядъ на природу. Въ голову самъ собою приходитъ вопросъ: «стало быть, и историческій взглядъ—не безусловная, а только временная, относительная истина»? Вопросъ этотъ заслуживаетъ обсуждения.

Когда безъ ограниченій говорится, что для познанія нѣтъ ничего безусловнаго, тѣмъ самымъ признается, что въ познаніи безусловно отрицаніе безусловнаго. Такая формула не есть противорѣчіе, какъ можетъ показаться иному схоластику («у васъ по крайней мѣрѣ отрицаніе безусловно»): безусловное въ познаніи,—это значить то, что простирается на всю область познанія, что въ познаніи не имѣетъ ограниченій; но познаніе само ограничено и условно, и потому даже то, что въ немъ не имѣетъ ограниченій, является ограниченнымъ и условнымъ вмѣстѣ съ нимъ. Абсолютное въ познаніи—въ природѣ относительно, какъ и само познаніе.

Основу историческаго взгляда составляютъ слѣдующія три положенія:

1. Въ природѣ нѣтъ ничего неизмѣннаго, а существуетъ только измѣненіе. Эта формула есть отрицаніе абсолютнаго въ природѣ.

2. Всякое измѣненіе, всякій переходъ въ пространствѣ и времени, имѣетъ для познанія относительный характеръ, такъ что познаніе можетъ всегда уловить и нѣкоторую отдѣльность, и нѣкоторое единство въ теченіи различныхъ процессовъ природы—можетъ находить форму процессовъ. Въ этомъ положеніи отрицается абсолютный характеръ самихъ измѣненій, совершающихся въ природѣ.

3. Всякое измѣненіе формы есть непрерывное продолженіе равнаго ему измѣненія (законъ причинности). Если предыдущее поло-

женіе устанавливало конечный характер познаваемых измѣнений, то законъ причинности говорить, что и этотъ конечный характеръ не безусловенъ: абсолютнаго конца или начала не имѣетъ никакое изъ происходящихъ измѣненій: границы всякаго процесса условны и устанавливаются познаніемъ.

Таковы основныя положенія историческаго взгляда. Какъ видимъ, они сводятся къ послѣдовательно проведенному отрицанію безусловнаго въ сферѣ познанія.

Все это касается только самыхъ основъ историческаго взгляда, его первыхъ посылокъ,—историческаго взгляда, какъ всеобщаго метода познанія. Выводъ получается такой:

Какъ методъ познанія, историческій взглядъ можетъ быть безусловно вѣренъ безъ противорѣчія съ самимъ собою.

Другое дѣло—всѣ частныя примѣненія этого метода. Всѣ они несомнѣнно относительны и условны. Отыскивая причинную связь явленій, мы никогда не находимъ ея полностью, и всегда въ своемъ познаніи должны стремиться дальше.

2. Количество и качество.

Изъ закона причинности («энергія едина и вѣчна») слѣдуетъ, что въ процессахъ природы возможны только количественныя различія; а различій качественныхъ, т. е. абсолютно несводимыхъ къ количественнымъ, быть не можетъ. Другими словами, для познанія, природа по существу одинакова.

Однако въ человѣческомъ сознаніи существуетъ понятіе количественныхъ и понятіе качественныхъ различій. А такъ какъ сознаніе принадлежитъ къ природѣ, то казалось бы, выводъ долженъ быть такой, что въ природѣ существуютъ вообще и качественные различія. Мы сознаемъ, что красное и бѣлое, запахъ ландыша и звукъ рояля, пудъ хлѣба и благородный порывъ качественно различаются между собой; стало быть, хотя бы только въ сознаніи, но существуютъ качественные различія. Какъ съ этимъ быть?

Разсмотримъ, какимъ путемъ возникаетъ понятіе «качества». Во многихъ случаяхъ человѣкъ, познавая явленія, можетъ прямо устанавливать количественную разницу между ними: «больше», «меньше». Этотъ звѣрь больше того, это дерево выше того—выводитъ онъ непосредственно изъ своихъ ощущеній. Различіе количественное, различіе между слабымъ и сильнымъ ощущеніемъ есть

первичное, и играет съ самаго начала громадную роль въ борьбѣ за жизнь психическихъ организмовъ. У простѣйшихъ организмовъ слабое и сильное внѣшнее раздраженіе вызываютъ, вообще говоря, противоположныя реакціи—въ первомъ случаѣ покой или приближеніе къ раздражающему объекту, во второмъ случаѣ—удаленіе отъ него.

Но не всегда различіе двухъ ощущеній легко укладывается въ мѣрку количества. Когда самыя ощущенія не достаточно просты, и когда различія между ними также имѣютъ сложный характеръ—составляютъ болѣе или менѣе обширныя сочетанія простыхъ количественныхъ различій—тогда въ большинствѣ случаевъ сознаніе не можетъ сразу дать прямого отвѣта на вопросъ, что больше, что меньше. Это состояніе нерѣшимости, неопредѣленности въ количественномъ различеніи и выражается терминомъ «качественное различіе». Когда человѣкъ не можетъ прямо сказать себѣ «больше» или «меньше»,—онъ говоритъ «иначе». Такимъ образомъ, понятіе качества по происхожденію есть совершенно отрицательное понятіе: «то, что не сводится въ данный моментъ къ количеству». Если человѣкъ видитъ двѣ взаимно-подобныя фигуры, онъ легко—хотя и не сразу—опредѣляетъ, которая больше,—потому что различія здѣсь очень просты. Но если двѣ фигуры не подобны одна другой, и въ то же время одна больше другой по одному измѣренію, а другая по другому—выяснить, которая больше, стоитъ уже немалого труда. Если комбинація количественныхъ различій еще сложнѣе, то человѣкъ легко теряетъ надежду подвести имъ итогъ, и покрываетъ всѣ ихъ общей формулой «качества».

Для дикаря, который считаетъ только до десяти, область качественныхъ различій сравнительно гораздо шире, чѣмъ для цивилизованнаго человѣка ¹⁾; и вообще развитіе познанія ведетъ къ выясненію всѣхъ качественныхъ различій, къ подсчету ихъ, какъ сложныхъ количественныхъ. Любопытно, что сознаніе нерѣдко само уличаетъ себя въ неправильности своего понятія о качественномъ различіи, какъ абсолютно не-количественномъ. Во мнѣ борются два побужденія, эгоистическое и альтруистическое; какъ всѣ люди, я считаю ихъ различными качественно; однако, одно изъ нихъ побѣждаетъ, оказывается болѣе сильнымъ,—т. е. сознаніе можетъ-таки произвести имъ подсчетъ, они оказываются количественно сравнимы. Правда, я успокаиваю себя по этому вопросу тѣмъ сообра-

¹⁾ На этомъ основаніи можно говорить, что исторически качество предшествуетъ количеству, какъ вообще неопредѣленное—опредѣленному (въ процессѣ развитія).

женіемъ, что они различаются и качествомъ, и количествомъ. Но это весьма не блистательная логика; если ей слѣдовать, то пришлось бы признать, что 3 пуда больше 2-хъ верстъ, такъ какъ, оставляя въ сторонѣ качественное различіе (пуды и версты), первое количественно больше; но въ то же время 3 пуда оказались бы меньше 4-хъ сажень. Вообще, если бы два побужденія были дѣйствительно качественно различны, никакая борьба между ними не была бы возможна: если бы качественное различіе было абсолютно не-количественнымъ, то при первомъ немислимо второе, и наоборотъ.

Хорошій примѣръ реальной связи количества и качества представляетъ акустика. Если два камертона даютъ каждый одинаковое число колебаній въ секунду, но у одного колебанія въ данный моментъ сильнѣе, то сознаніе прямо констатируетъ чисто количественную разницу—разницу силы звуковъ. Если одинъ камертонъ даетъ болѣе частыя колебанія, чѣмъ другой, то для слуха это является различіемъ высоты звуковъ—различіе хотя качественное, но не лишенное количественнаго оттѣнка: «этотъ тонъ выше»,—«а этотъ еще выше»... и т. д. А когда къ основнымъ тонамъ присоединяются дополнительные высокіе тоны съ различнымъ числомъ колебаній (обертоны), тогда ухо различаетъ и такъ называемое «качество» или тембръ звуковъ. Здѣсь уже исчезаетъ послѣдній оттѣнокъ количественнаго сравненія.—Членораздѣльные звуки человѣческой рѣчи представляютъ комбинаціи различныхъ тоновъ съ различными обертонами; и самая мысль о количественномъ характерѣ ихъ несходства развѣ только немногимъ приходила въ голову, пока онъ не былъ доказанъ Гельмгольцемъ.

Слѣдовательно, сущность исторіи того понятія, которое выражается словомъ «качество» такова. Сложныя комбинаціи количественныхъ различій, при сравненіи разнородныхъ явленій, далеко не всегда легко поддаются подсчету,—и нерѣдко даже послѣ цѣлыхъ вѣковъ изслѣдованія взаимное отношеніе двухъ фактовъ еще не можетъ быть выражено математически. Ту неопредѣленность различія, которая въ такихъ случаяхъ выступала на мѣсто опредѣленныхъ «больше» и «меньше»—люди выразили словомъ «качество». Когда понятіе было обозначено опредѣленнымъ словомъ, тогда символъ сталъ подставляться на мѣсто того, что имъ выражалось, и людямъ стало казаться, что «качество» есть нѣчто вполне опредѣленное, что это самостоятельное понятіе, а не простое выраженіе неудачи въ сравненіи двухъ фактовъ. Въ эпоху статистики неумѣнье людей высленить количественный характеръ качественныхъ различій при-

вело къ тому, что исчезло самое стремленіе свести первыя ко вторымъ,—что и было выражено въ утвержденіи, что подобное предпріятіе даже невозможно выполнить, что различіе того и другого абсолютно. На этихъ словахъ и остановилось мышленіе, до выступленія на сцену историческаго взгляда, который постепенно подрывалъ авторитетъ словъ, апеллируя къ ихъ содержанію—понятіямъ.

Совершенно такимъ же способомъ разрѣшается вопросъ о «статикѣ». Статика не существуетъ и въ сознаніи; ибо статическое представленіе о предметѣ есть все-же процессъ, происходящій въ сознаніи; представленіе это появляется, продолжается, исчезаетъ—это ли не процессъ? Слово «статика» также выражаетъ только неудачу въ стремленіи найти взаимную связь явленій, найти ихъ переходъ одного въ другое, ихъ движеніе. Представленіе неподвижности само не есть неподвижность, да и вообще «неподвижность» тутъ только слово.

3. Что называется философией?

Въ заключеніе мы не можемъ не коснуться вопроса объ опредѣленіи понятія «философія», тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи до сихъ поръ существуетъ не малая разногласица.

Въ прежнія времена—въ эпоху статики—подъ философией понимали познаніе сущности вещей, въ противоположность частному познанію явленій, которое составляетъ содержаніе науки. Такимъ образомъ философія стояла совершенно внѣ науки и выше ея.

Затѣмъ выступило воззрѣніе, по которому философія—это теорія познанія, т. е. ученіе о взаимномъ отношеніи познающаго и познаемаго.

Третья, наконецъ, школа свела философію къ послѣднимъ обобщеніямъ точной науки, и такимъ образомъ всецѣло помѣстила ее въ предѣлахъ науки.

Первое изъ этихъ воззрѣній—метафизическое—даетъ философіи большую самостоятельность, но за то дѣлаетъ ее совершенно невозможною.

Второе,—критическое—хотя и не желаетъ лишать философію ея самостоятельности, но въ сущности ведетъ къ этому, такъ какъ теорія познанія не должна по своему содержанію быть ничѣмъ инымъ, какъ отдѣломъ науки психологій (хотя критицисты ставятъ ее внѣ этой науки и даютъ ей болѣе широкое содержаніе, чѣмъ то, которое соотвѣтствуетъ точному смыслу опредѣленія).

Третье воззрѣніе — позитивное — дѣлаетъ даже терминъ «философія» — въ сущности излишнимъ, полезнымъ развѣ только для краткости въ обозначеніи самыхъ верховъ науки.

Всѣ три опредѣленія исходили изъ обычнаго употребленія слова «философія» въ образованной части общества, но ни одно изъ нихъ не охватывало понятія, скрывающагося подъ этимъ словомъ, во всей полнотѣ, а каждое развивало только одну его сторону, одинъ оттѣнокъ.

Существуетъ извѣстная сфера мышленія, которая заслуживаетъ того, чтобы ее отдѣлить отъ точной науки, и которая, однако, находится съ нею въ тѣсной связи. Это — область гипотезъ, идущихъ дальше обобщеній точной науки, и объединяющихъ эти обобщенія въ одно стройное цѣлое. — Человѣческое познаніе стремится къ цѣльности; для людей логически мыслящихъ источникомъ страданія являются не только прямые противорѣчія, но и всякіе сколько-нибудь значительные пробѣлы въ сферѣ познанія. Эти противорѣчія оно примиряетъ, и эти пробѣлы заполняетъ съ помощью творческой дѣятельности, создающей философскія гипотезы.

Такимъ образомъ, философія есть область гипотезъ, которыя основываются на послѣднихъ обобщеніяхъ науки, но идутъ дальше ихъ, и имѣютъ своей задачей установить единство, цѣльность въ познаніи. Такое пониманіе «философіи» во-первыхъ даетъ ей дѣйствительно самостоятельное положеніе въ сферѣ мышленія, указывая ея связь съ наукой и ея отдѣльность отъ науки, — во-вторыхъ стоитъ всего ближе къ обыденному употребленію слова, такъ что совмѣщаетъ всѣ оттѣнки понятія, заключающіеся въ трехъ прежнихъ опредѣленіяхъ философіи.

Первый оттѣнокъ, который подхватили метафизики, выражается въ томъ, что философія становится дѣйствительно внѣ науки, хотя и въ связи съ нею, и пожалуй выше ея, въ смыслѣ большей широты гипотетическихъ обобщеній.

«Критическій» оттѣнокъ также находитъ себѣ мѣсто въ изложенномъ опредѣленіи. Область отношеній познающаго и познаемаго есть та, въ которой всего легче возникаютъ и всего упорнѣе держатся познавательныя противорѣчія, такъ что философская гипотеза необходимо должна отводить особенно большое мѣсто примиренію именно этихъ противорѣчій.

«Позитивный» оттѣнокъ находитъ себѣ выраженіе во-первыхъ въ тѣсной связи философіи съ послѣдними обобщеніями науки, и во-вторыхъ, въ томъ фактѣ, что всякое обобщеніе науки, поскольку оно еще не вполне обосновано, является философской

гипотезой; т. е. въ сущности каждое обобщеніе науки заключаетъ въ себѣ большій или меньшій элементъ той творческой дѣятельности, которая называется философіей.

Итакъ, основу философіи составляетъ стремленіе познающаго ума къ цѣльности въ познаніи, и сама философія есть познавательное творчество.

4. Судьбы историческаго міровоззрѣнія.

Историческій взглядъ на природу ведетъ свое начало отъ наиболѣе первобытныхъ формъ мышленія и рѣчи, отъ тѣхъ временъ, когда люди еще видѣли въ природѣ по преимуществу измѣненія, а не предметы. Историческая филологія выясняетъ, что первоначально возникавшія слова обозначали главнымъ образомъ дѣйствія самихъ людей и, путемъ перенесенія, примѣнялись затѣмъ къ явленіямъ внѣшней природы, такъ что природа представлялась неразвитому сознанію какъ хаосъ дѣйствій. — Понятіе о предметѣ, какъ неподвижномъ элементѣ природы, выработалось позже, когда болѣе развитое познаніе дало людямъ идею отдѣльности и единства существованія частныхъ явленій, но недостаточно еще обнаружило границы этой отдѣльности и этого единства. Историческая филологія склоняется къ той мысли, что первичной формой предложенія было безличное, не заключающее въ себѣ подлежащаго, т. е. названія предмета; такъ и должно было быть при отсутствіи всякой статичности во взглядѣ на природу.

Періодъ древнихъ цивилизацій былъ эпохой развитія статики. Молодое познаніе было статично въ силу своей неполноты, своей слабости; оно захватывало только самыя рѣзкія и грубыя черты явленій, не замѣчая оттѣнковъ перехода между этими чертами. Такимъ образомъ связь явленій терялась для познанія, единство природы не существовало для него. Медленный, однообразный ходъ общественнаго процесса, его устойчивыя формы легко внушали и поддерживали идею о неподвижномъ въ природѣ. Понятія не отграничивались отъ словъ, такъ какъ медленное измѣненіе первыхъ почти не противорѣчило упорному консерватизму вторыхъ. При этомъ слова легко захватывали господство надъ понятіями и становились на ихъ мѣсто, такъ какъ первыя всегда очень опредѣленны, а вторыя были тогда по большей части не слишкомъ ясны, и оперировать съ первыми было легче и удобнѣе. — Въ связи съ этимъ находится масса чисто словесной путаницы даже въ произведеніяхъ лучшихъ философовъ древности, нерѣдкіе случаи, когда

аргументація основывалась единственно на смѣшеніи различныхъ понятій, выражаемыхъ однимъ словомъ.—

Отсутствіе яснаго пониманія всеобщей связи явленій, представленіе о неподвижномъ и неизмѣнномъ въ природѣ, господство словъ надъ понятіями—таковы основныя черты статическаго мышленія. Оно развивалось и захватывало власть надъ умами. Такъ было въ эпоху классической цивилизаціи и особенно въ Средніе Вѣка. Въ трудахъ Аристотеля статическое міропониманіе нашло себѣ наилучшее выраженіе; Средніе Вѣка, съ ихъ застоємъ въ мірѣ науки, занялись преимущественно приведеніемъ статикѣ къ абсурду, доведя до крайности преобладаніе словъ надъ понятіями.

Но никогда статика не царила безраздѣльно. Во времена древней Греціи сложились существенные элементы историческаго взгляда. Гераклитъ въ неясной и незаконченной формѣ далъ ученіе о природѣ, какъ непрерывномъ процессѣ. Элеаты положили въ основу своей доктрины понятіе объ единствѣ природы, но связали его съ представленіемъ объ ея неизмѣнности. Пифагорейцы отрицали качественныя различія и сводили познаніе къ измѣренію количествъ. Элементы, враждебные статикѣ, можно найти въ воззрѣніяхъ почти каждаго древняго философа.—Въ Средніе Вѣка при общей неподвижности жизни и науки такихъ элементовъ гораздо меньше.

Новое время принесло съ собою начало конца статикѣ. Новыя общественныя формы были благопріятны для развитія науки; взглядъ познающаго человѣка глубже проникалъ въ природу; скрытое становилось явнымъ.

Въ короткомъ изложеніи невозможно сколько-нибудь обстоятельно прослѣдить прогрессъ историческаго міровоззрѣнія въ послѣдніе вѣка: получилась бы исторія науки и философіи за все это время. Намѣчаемъ главные этапы пути, по которому шло развивающееся познаніе.

Новая школа въ астрономіи, начиная съ Коперника, сбила землю съ ея твердой, неподвижной позиціи: все неподвижное въ природѣ стало сомнительнымъ.

Бенедиктъ Спиноза ученіемъ объ единствѣ природы въ ея всеобщемъ причинномъ порядкѣ явленій создалъ прочную философскую основу для новыхъ воззрѣній.

Ньютонъ далъ всеобщія формулы причинности въ статическихъ выраженіяхъ трехъ законовъ механическаго движенія. Послѣдующее развитіе науки постепенно распространяло значеніе этихъ частныхъ законовъ на всю познаваемую природу.

Одинъ изъ наиболѣе статическихъ мыслителей—Лейбницъ—по-

дорвалъ статическое мышленіе въ математикѣ, положивъ начало ученію о безконечно-малыхъ, которое разсматриваетъ величины въ текущемъ состояніи.

Въ физику историческій взглядъ пробился въ формѣ ученія объ энергіи, въ основныхъ чертахъ законченнаго ко второй половинѣ XIX вѣка. Всеобщая причинная связь явленій нашла себѣ наиболѣе точное и опредѣленное выраженіе въ законѣ единства и вѣчности энергіи.

Въ химіи статика господствовала дольше; но ученіе объ энергіи и здѣсь простираетъ свое вліяніе; а современныя теоріи растворовъ совсѣмъ не подходятъ къ статическому мышленію.

Дарвинизмъ въ біологіи, а въ социологіи современная школа довершаютъ побѣду историческихъ воззрѣній въ наукѣ.

Въ философіи еще раньше совершила то же школа Гегеля ¹⁾.

Дѣйствительная побѣда надъ природой, одержанная человѣчествомъ въ XIX вѣкѣ, влекла за собою истинное познаніе природы.

Но не разъ вновь поднималась волна статической реакціи, не разъ регрессивныя теченія общественной жизни отзывались въ мышленіи людей науки уклоненіями отъ истиннаго пути познанія. XIX вѣкъ пережилъ не мало такихъ моментовъ въ исторіи науки, которые сами по себѣ не дѣлаютъ ему чести: побѣдоносная защита неизмѣняемости видовъ великимъ ученымъ Кювье, — озлобленные нападки сотенъ ученыхъ на Дарвина, не прекратившіяся и до сихъ поръ, — воскрешеніе такими же цеховыми людьми науки давно похороненнаго витализма, — удивительная сомоувѣренность социологовъ à la Шмоллеръ, безъ стѣсненія заявляющихъ о своемъ торжествѣ въ наукѣ, — и позорно-знаменитое Дюбуа-Реймоновское «*Ignorabimus*», и многое, многое другое.

Но законы природы ставятъ суровую дилемму:

Развитіе — а съ нимъ истина — побѣждаютъ, или общество выражается.

¹⁾ Мы уже отмѣчали, что избранный нами терминъ „историческій взглядъ“ означаетъ то же самое понятіе, что и терминъ „діалектика“. Тогда же мы приводили причины, заставляющія насъ предпочитать менѣе обычное выраженіе.

Приложенія.

Объ элементахъ сознанія.

Вопросъ объ элементахъ сознанія при строго логическомъ порядкѣ изложенія слѣдовало бы отнести къ третьей части работы —къ ученію о психическихъ формахъ. Особыя обстоятельства заставили насъ отступить отъ правильной архитектуры изложенія.

Во-первыхъ, нѣсколько спеціальнѣй характеръ вопроса по необходимости дѣлаетъ его изложеніе сравнительно сухимъ и, главное, сравнительно труднымъ для пониманія. Тамъ, гдѣ рѣчь шла объ *основныхъ* идеяхъ историческаго міровоззрѣнія, тамъ было особенно желательно какъ можно меньше утомлять читателя, тѣмъ болѣе, что по самой сущности предмета было невозможно вполнѣ избѣгнуть такой утомительности.

Во-вторыхъ, такъ какъ послѣдовательно-историческая точка зрѣнія не была еще никѣмъ примѣнена къ изслѣдованію вопроса объ элементахъ сознанія, то въ данной области мы не можемъ опираться на авторитетныя чужія мнѣнія, какъ въ остальныхъ частяхъ работы.—Въ этомъ смыслѣ ученіе объ элементахъ сознанія является—если не для автора, то для читателя—наболѣе спорной частью работы. Естественно, что мы старались не слишкомъ тѣсно связывать судьбу цѣлаго съ судьбой одного изъ частныхъ, гипотетическихъ примѣненій историческаго міропониманія.

Наконѣцъ, если читатель пожелаетъ, для него не составитъ, конечно, большого труда связать во-едино общее и частное, и такимъ образомъ возстановить для себя цѣльность изложенія.

Наиболѣе тяжелое изъ познавательныхъ противорѣчій есть то, которое создается слишкомъ рѣзкимъ разграниченіемъ „я“ и „не-я“, преувеличеніемъ различій между міромъ сознанія и тѣмъ, что внѣ его. Уже въ предыдущемъ было указано, что законъ причинности устраняетъ это противорѣчіе. Изъ формулы единства энергій необходимо вытекаетъ такой выводъ: процессы сознанія могутъ отличаться отъ внѣшнихъ процессовъ только количественно; первые представляютъ прямое продолженіе, „слѣдствіе“ вто-

рыхъ; по существу сознание тождественно съ другими измѣненіями, происходящими въ природѣ.

Трудно удовлетвориться этимъ общимъ и въ сущности отрицательнымъ рѣшеніемъ вопроса, которое сводится къ тому, что сознание не признается чѣмъ-либо исключительнымъ, стоящимъ внѣ связи явлений природы. При современномъ положеніи науки не только чувствуется потребность, но существуетъ, мы полагаемъ, и возможность идти нѣсколько дальше въ установленіи философскихъ основъ психологіи. Къ отдѣльнымъ, частнымъ выводамъ, добытымъ наукою о психическомъ мірѣ, философская гипотеза должна послѣдовательно примѣнить историческій методъ объясненія, чтобы освѣтить рядъ основныхъ психологическихъ вопросовъ, на которые одна наука не можетъ еще дать опредѣленнаго и вполне обоснованнаго отвѣта.

Дальнѣйшее изложеніе представляетъ попытку дать гипотетическій, но вѣроятный съ точки зрѣнія современной науки и философіи отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

Во-первыхъ, какъ устранить качественныя различія въ самомъ состояніи, какъ свести къ единству разнородныя группы фактовъ сознания, которыя признаются обыкновенно несводимыми одна на другую (представленіе, чувство, воля)?

Во-вторыхъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи между собою стоятъ процессы психически—безсознательные и факты сознания? Какого рода основное различіе между ними, и какого рода основная связь, ихъ объединяющая?

Въ третьихъ, какое основное соотношеніе связываетъ процессы психическіе съ внѣ-психическими?

При современномъ состояніи науки даже самый приблизительный отвѣтъ на эти вопросы, даже самый общій намекъ на ихъ рѣшеніе неизбежно оказывается гипотетическимъ.

Однако, существуютъ опредѣленные условія, при которыхъ философская гипотеза должна признаваться истиной времени. Условія эти таковы.

Во-первыхъ, гипотеза должна согласоваться и съ существующимъ научнымъ матеріаломъ данной области, и съ общимъ міропониманіемъ данной эпохи, съ общимъ направленіемъ развивающейся мысли. Вѣрнѣе, гипотеза должна согласовать научный матеріалъ съ развивающимся философскимъ направленіемъ мысли. Конечно, если этому требованію удовлетворяетъ не одна гипотеза, а нѣсколько,—то выборъ между ними можетъ быть свободнымъ, пока дальнѣйшій прогрессъ науки не измѣнитъ такого положенія.

Во-вторыхъ, гипотеза должна быть рабочей, т. е. служить только станціей, но не конечной остановкою въ движеніи познающей мысли, должна быть пригодной въ качествѣ исходнаго пункта

дальнѣйшей—изслѣдующей и творческой—дѣятельности ума. Условіе это особенно подчеркивается лучшими изъ представителей современной науки.

Съ точки зрѣнія этихъ условій читатель долженъ производить офинку тѣхъ взглядовъ, которые мы излагаемъ въ дальнѣйшемъ.

§ 1.

Основные типы фактовъ сознанія.

Съ древнихъ временъ и до сихъ поръ держится въ описательной психологіи разграниченіе фактовъ сознанія на три группы: область ощущеній и представленій, область чувства, область побужденій, или, по старому схоластическому выраженію, три душевныя способности—умъ, сердце и воля.

Къ первой группѣ относятся *образы* явленій внѣшняго или внутренняго міра, взятые въ сознаніи сами по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ фактамъ удовольствія или страданія или стремленія дѣйствовать, которые съ ними связаны. Такой образъ называется „ощущеніемъ“, если онъ прямо вызванъ черезъ органы внѣшнихъ чувствъ соотвѣтствующимъ ему внѣшнимъ явленіемъ; онъ обозначается словомъ „представленіе“, если порожденъ ближайшими причинами другого рода, внутренними условіями психики.—Образъ стоящаго передо мною человѣка, непосредственно данный мнѣ зрѣніемъ, есть ощущеніе, а воспоминаніе, воспроизводящее въ моей памяти ту же человѣческую фигуру, когда я не вижу ея, принадлежитъ къ числу представленій.

Область *чувства* составляютъ различныя виды удовольствія и страданія. Страданіемъ называется такое психическое состояніе, съ которымъ соединено стремленіе прекратить его; удовольствіе—противоположное состояніе, съ которымъ связано стремленіе его продолжить.—Такія указанія отнюдь не слѣдуетъ считать „опредѣленіями“ понятій „удовольствія“ и „страданія“. Чувство никогда еще не было разложено на болѣе простыя элементы сознанія, такъ что оно должно считаться пока недоступнымъ опредѣленію. Понятія „удовольствія“ и „страданія“ всего лучше постигаются изъ непосредственнаго психологическаго опыта (изъ самонаблюденія); обычныя же указанія о связи двухъ родовъ чувства съ двумя родами стремленій важны, главнымъ образомъ, потому, что въ нихъ уже намѣчается отчасти соотношеніе чувства и воли.

Побужденіе, или стремленіе къ дѣйствію, есть такой фактъ сознанія, который можетъ *непосредственно* предшествовать дѣйствію или, какъ еще выражаются, такое психическое состояніе, которое способно при извѣстныхъ условіяхъ прямо переходить

въ дѣйствіе. Тутъ опять-таки дано не опредѣленіе понятія воли, а указаніе на связь воли съ ея внѣшними проявленіями.

Далѣе, были попытки свести чувство къ представленію; но онѣ оказались неудачны, и вообще не удержались въ наукѣ.— Остановливаясь на нихъ намъ не приходится; онѣ интересны, главнымъ образомъ, какъ выраженіе упорныхъ стремленій философской мысли къ внутреннему единству въ ученіи о психикѣ.

Перечисленные типы фактовъ сознанія долгое время считались несводимыми къ одному основному началу. Однако психологи нашего вѣка уже склонны разлагать факты побужденія на элементы представленія и чувства; согласно этому взгляду, чувство есть та движущая сила сознанія, которая проявляется въ дѣйствіяхъ: представленіе о томъ или иномъ дѣйствіи, сливаясь въ одинъ актъ сознанія съ сопровождающимъ его чувствомъ удовольствія или страданія, выступаетъ въ роли побужденія; а при наличности въ сознаніи различныхъ побужденій переходъ того или другого изъ нихъ въ дѣйствіе опредѣляется силою чувства, въ немъ заключающагося.

§ 2.

Чувство съ энергетической точки зрѣнія.

Ученію о подборѣ современная психологія обязана той важной истиной, что въ чувствѣ страданія или удовольствія отражается пониженіе или возростаніе жизнеспособности организма. Напомнимъ тѣ послылки, на которыхъ, основана эта идея.

Въ явленіяхъ чувства выражается процессъ психического подбора, который стремится упрочить однѣ изъ двигательныхъ реакцій организма, устранить другія; первое относится къ тѣмъ реакціямъ, которыя, влекутъ за собой чувство удовольствія, второе—къ тѣмъ, съ которыми связано чувство страданія. Чувство служить руководителемъ психического подбора, или, по меньшей мѣрѣ—показателемъ того направленія, въ которомъ этотъ подборъ совершается. Между тѣмъ сознаніе, вмѣстѣ съ явленіями чувства, возникло и развилось, какъ результатъ *приспособленія* психического аппарата къ условіямъ жизненной борьбы организма; и роль психического подбора заключается въ томъ, чтобы далѣе *приспособлять* психику къ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ. Очевидно, что психическій подборъ только въ томъ случаѣ можетъ успѣшно выполнять свое дѣло, если указанія чувства направлены къ пользѣ организма, т. е. если удовольствіе соотвѣтствуетъ повышенію жизнеспособности, а страданіе—ея пониженію.

Но о какой жизнеспособности здѣсь можетъ идти рѣчь, объ *общей и средней* для даннаго организма при обычныхъ условіяхъ его существованія, или о *частной и временной*, о жизнеспособности

при данныхъ конкретныхъ обстоятельствахъ? Съ опредѣленностью можно утверждать, что не о первой, а о второй; и это видно изъ того факта, что направленіе психическаго подбора можетъ тысячу разъ мѣняться по отношенію къ *одной и той же* двигательной реакціи, но при *различныхъ частныхъ условіяхъ* внѣшней среды. Въ однихъ обстоятельствахъ опредѣленный поступокъ приноситъ съ собою удовольствіе, въ другихъ точное его повтореніе порождаетъ страданіе. Если бы въ удовольствіи выражалась, такъ сказать, *средняя и общая* польза реакціи для организма, а въ страданіи *средній и общій* вредъ, то всякая данная реакціи могла бы сопровождаться всегда только однимъ опредѣленнымъ чувствомъ, пріятнымъ—если она вообще полезна, непріятнымъ—если она вообще вредна; а такъ какъ въ дѣйствительности это чувство измѣняется, смотря по обстоятельствамъ, то ясно, что оно выражаетъ только *частную* жизнеспособность для данного момента и данныхъ конкретныхъ условій.

Какъ показываетъ опытъ, нерѣдко повышеніе этой „конкретной“ жизнеспособности идетъ рядомъ съ пониженіемъ общей, „абстрактной“: удовольствія оказываются вредными. Но такое противорѣчіе есть все-же исключеніе, а въ наибольшей массѣ случаевъ удовольствіе и польза, страданіе и вредъ совпадаютъ между собою.

Что-же представляетъ изъ себя эта конкретная жизнеспособность, въ чемъ заключается ея содержаніе?

Каждый жизненный процессъ складывается изъ двухъ теченій энергіи—ассимиляціи и дезассимиляціи,—находящихся въ нѣкоторомъ подвижномъ равновѣсіи. Мы считаемъ единственно возможнымъ съ энергетической точки зрѣнія то объясненіе фактовъ, по которому конкретная жизнеспособность выражаетъ собою соотношеніе двухъ сторонъ жизненнаго равновѣсія. Ея возрастаніе соответствуетъ либо уменьшенію затратъ, необходимыхъ для сохраненія формы, либо, при неизмѣнной ихъ величинѣ, увеличенію ассимиляціи. Пониженіе жизнеспособности сводится къ противоположнымъ явленіямъ. Въ первомъ случаѣ энергія жизненнаго процесса по отношенію къ его данной внѣшней средѣ возрастаетъ; во второмъ случаѣ—уменьшается. Повышеніе или пониженіе конкретной жизнеспособности тождественно съ повышеніемъ или пониженіемъ относительной энергіи организма.

По поводу термина „относительная энергія“ напомнимъ, что энергія есть измѣненіе, взятое съ его количественной стороны; измѣрять энергію однихъ процессовъ можно только по отношенію къ другимъ процессамъ, и ея возрастаніе или уменьшеніе въ данной формѣ движенія мыслимо только по отношенію къ другой формѣ, или вообще къ внѣшней средѣ.

Итакъ, въ удовольствіи выражается повышеніе, въ страданіи

пониженіе относительной энергіи организма, а точнѣе — психической системы. Последняя поправка нужна на томъ основаніи, что тѣ измѣненія жизнеспособности, которыя не захватываютъ прямо психической системы, не порождаютъ также удовольствія или страданія.

Однако, и для психической системы далеко не всякое измѣненіе относительной энергіи порождаетъ явленія чувства.

Далѣе, связь явленій чувства съ измѣненіями относительной энергіи психики только въ общемъ такова, какъ изложено. Въ отдѣльных случаяхъ наблюдаются уклоненія.

Словомъ, передъ нами частный эмпирическій законъ, подтверждаемый и освѣщаемый общимъ біологическимъ принципомъ подбора, однако далеко не вполне имъ объясняемый.

Попытка объяснить и законъ и уклоненія отъ него должна опираться во-первыхъ на выводы психологіи относительно природы процессовъ сознанія, во-вторыхъ на общіе законы энергіи.

Сознаніе неразрывно сливается въ психикѣ съ безсознательнымъ, неотдѣлимо отъ него. На каждомъ шагѣ совершаются, при посредствѣ непрерывнаго ряда послѣдовательныхъ переходовъ, превращенія безсознательнаго въ сознаніе и обратно. Центры сознанія являются нераздѣльными элементами психики, и несущественно отличаются отъ безсознательно-психическихъ центровъ, съ которыми они имѣютъ общее происхожденіе, и которые въ процессѣ развитія даютъ имъ начало. Представляется въ высшей степени вѣроятнымъ, что процессы, происходящіе въ центрахъ сознанія, въ значительной мѣрѣ сходны съ вызывающими ихъ процессами въ сферѣ безсознательнаго.

Согласно ученію объ единствѣ энергіи, всѣ процессы въ природѣ совершенно однородны, и ихъ различія имѣютъ только количественный характеръ. Такимъ образомъ сущность измѣненій, происходящихъ въ формѣ движенія, сводится къ возрастанію или уменьшенію энергіи различныхъ элементовъ формы по отношенію къ ея вѣншей средѣ и другъ къ другу.

Въ чувствѣ страданія отражается пониженіе энергіи психической системы по отношенію къ вѣншему міру. Отраженіе это возникаетъ, по ученію современной психологіи, въ особыхъ психическихъ центрахъ—въ центрахъ сознанія.

Что же должно происходить въ этихъ сферахъ психической системы, когда, взятая въ цѣломъ, она испытываетъ пониженіе своей относительной энергіи?

Принимая во вниманіе тѣсную связь центровъ сознанія съ остальными областями психики, всего естественнѣе предположить, что и въ центрахъ сознанія происходитъ пониженіе энергіи. А какъ смотрѣть на чувство страданія, которое тогда ощущается? Надо думать, что оно и есть это пониженіе энергіи центровъ со-

знанія, или по крайней мѣрѣ представляетъ изъ себя нѣкоторую долю этого пониженія. Въ томъ и другомъ случаѣ чувство не только отражаетъ собою измѣненіе величины общей энергіи психики,—оно само является подобнымъ измѣненіемъ величины относительной энергіи опредѣленныхъ психическихъ центровъ—центровъ сознанія.

Съ энергетической точки зрѣнія такой выводъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что всѣ вообще процессы сознанія, подобно другимъ измѣненіямъ формъ, и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ болѣе или менѣе сложными комбинаціями повышеній и пониженій энергіи тѣхъ формъ движенія, которыя включаютъ въ себя эти процессы.

Эта гипотеза, по которой чувство удовольствія или страданія представляетъ изъ себя нѣкоторую форму возрастанія или уменьшенія относительной энергіи центровъ сознанія,—эта гипотеза будетъ исходной точкой дальнѣйшаго изложенія.

Съ ней хорошо согласуются важныя психологическія обобщенія, врядъ ли понятныя съ иной точки зрѣнія.

Такъ, аргументомъ въ пользу гипотезы можетъ служить количественный характеръ явленій чувства. Удовольствіе, страданіе можетъ быть сильнѣе или слабѣе, т. е. больше или меньше. Съ этой стороны всѣ виды удовольствія или страданія оказываются на практикѣ сравнимы, с о и з мѣ р и м ы.—Не всѣ соглашаются съ этимъ положеніемъ; опираясь на свидѣтельства своего непосредственнаго сознанія, нѣкоторые находятъ, что существуютъ и несравнимые по своей разнородности типы явленій чувства; такъ, несравнимыми признаются удовольствія возвышенныя и низменныя, то, напр., которое вытекаетъ изъ благороднаго поступка, и то, которое получается отъ стакана водки.—Однако опытъ показываетъ, что и для такихъ разнородныхъ формъ чувства количественное сравненіе возможно, такъ какъ напр., по отношенію къ приведенному случаю многіе люди способны задать себѣ и разрѣшить въ ту или другую, сторону вопросъ, какое удовольствіе больше.

Съ энергетической точки зрѣнія понятенъ, далѣе, и тотъ фактъ, что, при сравненіи съ большимъ страданіемъ, меньшее представляется удовольствіемъ, а уменьшеніе удовольствія само по себѣ равносильно нѣкоторому страданію (относительный характеръ явленій чувства).

Психологія говоритъ, что всякій фактъ сознанія — ощущеніе, представленіе, побужденіе—обладаетъ опредѣленнымъ „чувственнымъ тономъ“, т. е. является пріятнымъ или непріятнымъ, удовольствіемъ или страданіемъ; съ этой стороны каждый фактъ сознанія можетъ вступать въ количественное сравненіе съ другими фактами сознанія, какъ бы значительно эти послѣдніе по формѣ

ни отличались отъ перваго. Такъ, я могу находить, что пріятнѣе воспоминать о минувшихъ удовольствіяхъ, чѣмъ дѣятельно стремиться къ новымъ: актъ представленія сравнивается по чувственному тону съ актомъ воли ¹⁾; еще обычнѣе подобное сравненіе между представленіемъ и ощущеніемъ, между двумя самыми разнородными представленіями, и т. д...

Слѣдовательно, въ своемъ чувственномъ тонѣ, т. е. въ явленіяхъ чувства, процессы сознанія оказываются соизмѣримыми, сведенными къ одной общей мѣрѣ, подобно тому какъ въ формулахъ энергіи съ подстановкой соотвѣтственныхъ коэффиціентовъ сводятся къ общей мѣрѣ самые различные виды движенія.—Трудно остановиться на той мысли, что это—простая случайная аналогія. Гораздо легче понять ее, какъ результатъ дѣйствительнаго тождества явленій чувства съ явленіями количественнаго измѣненія энергіи въ процессахъ сознанія.

Если факты чувства суть энергетическія измѣненія въ центрахъ сознанія, и если эти центры обладаютъ нѣкоторой отдѣльностью среди психической системы, то не представляются странными и непонятными тѣ частные случаи, сравнительно рѣдкіе, когда пониженіе общей энергіи психики сопровождается чувствомъ удовольствія, а повышеніе—чувствомъ страданія,—и также всѣ тѣ случаи, когда измѣненія психической энергіи вовсе не выражаются въ явленіяхъ чувства.

Признать, что факты удовольствія и страданія представляютъ изъ себя увеличеніе и уменьшеніе энергіи центровъ сознанія по отношенію къ ихъ внѣшней средѣ,—еще вовсе не значить отрицать своеобразный характеръ явленій чувства. Количественныя измѣненія могутъ быть очень разнообразны въ своихъ сочетаніяхъ; и безспорно весьма интересенъ вопросъ, чѣмъ отличаются «сознательныя» повышенія и пониженія энергіи (т. е. тѣ, которыя являются фактами сознанія) отъ „безсознательныхъ“.—Вопросъ этотъ,—насколько по поводу его возможны соображенія при современномъ запасѣ данныхъ,—будетъ разсматриваться въ особыхъ главахъ, посвященныхъ взаимному отношенію въ психикѣ процессовъ сознанія и безсознательнаго.

§ 3.

Представленіе и воля съ энергетической точки зрѣнія.

Энергетическое пониманіе явленій чувства необходимо ведетъ къ соотвѣтственному взгляду на факты представленія и воли.

¹⁾ Если примѣръ этотъ покажется натянутымъ, то мы напомнимъ, что движущая сила побужденія заключается въ чувствѣ, что слѣдовательно немислимо побужденіе, въ которомъ бы отсутствовалъ элементъ чувства.

Первичнымъ по происхожденію типомъ образовъ сознанія слѣдуетъ признать ощущеніе, которое возникаетъ въ сознаніи, какъ результатъ какого-нибудь толчка изъ внѣшней среды, передаваемого черезъ органы внѣшнихъ чувствъ.—Въ чемъ же могутъ заключаться—съ энергетической точки зрѣнія—тѣ процессы, которые при этомъ происходятъ въ центрахъ сознанія? Опять-таки, только въ возрастаніи или уменьшеніи энергіи различныхъ элементовъ этихъ психическихъ центровъ по отношенію другъ къ другу и къ внѣшней средѣ.—Другими словами, ощущеніе складывается изъ элементовъ, аналогичныхъ элементамъ чувства,—изъ повышеній и пониженій относительной энергіи нервныхъ центровъ сознанія.

То, что сказано объ ощущеніяхъ, примѣнимо и къ ихъ производному—представленіямъ. Исключенія не можетъ составить и область воли, тѣмъ болѣе, что побужденіе сводится, повидимому, къ особому сочетанію представленія съ чувствомъ.

Матеріалъ сознанія всюду долженъ быть одинъ и тотъ же—количественныя измѣненія энергіи центровъ сознанія. Ф о р м а этихъ измѣненій, надо думать, весьма различна, но судить о ней у насъ нѣтъ пока никакой возможности.

Однако мыслимо ли такое объединеніе въ познаніи всѣхъ сознательно-психическихъ процессовъ? Возможно ли къ количественнымъ колебаніямъ энергіи, къ простымъ „измѣненіямъ“, качественно не отличающимся отъ другихъ измѣненій въ природѣ, сводить все поразительное разнообразіе, все неистощимое богатство жизни сознанія? Въ сферѣ сознанія возникаютъ и живутъ явленія безконечно своеобразныя: прекрасный ландшафтъ съ милліонами частностей, сливающихся въ эстетическомъ единствѣ пѣлаго; гениальное обобщеніе, истина, въ немногихъ словахъ охватывающая безконечный рядъ явленій, самоотверженный порывъ человѣка, отдающаго жизнь за идею... Неужели все это можно подвести подъ холодную, отвлеченно-математическую формулу энергіи, признать количественными измѣненіями въ процессахъ жизни головного мозга?

Такъ какъ возраженіе это опирается не на строгій анализъ и послѣдовательную логику, а на привычку и такъ называемое чувство, то мы позволимъ себѣ отвѣтить однимъ простымъ сравненіемъ. Возьмите всѣ краски, все полотно и кисти, которыми выполнялись прекраснѣйшія картины, прибавьте сюда весь мраморъ лучшихъ образцовъ скульптуры и сталь рѣзцовъ, которые ихъ изваяли, всѣ книги, въ которыхъ написаны гениальнѣйшія произведенія человѣческаго ума,—изрѣжьте, столките, смѣшайте все это вмѣстѣ; какая получится сѣрая, безобразная масса... Теперь сравните это съ тѣми произведеніями искусства и познанія, которыя были созданы изъ того же матеріала. Не правда ли, какая разница при этомъ расположеніи тѣхъ же элементовъ?

„Но вы забываете творческую мысль человѣка, сила которой такъ, а не иначе расположила грубые элементы великихъ произведеній, которая одна одушевила безформенную, безразличную матерію и превратила ее въ чудеса искусства и познанія; поэтому неправильно сравнивать элементы сознанія съ матеріалами, изъ которыхъ созданы тѣ чудеса“!... Нѣтъ, я не забываю этого, но помню также и то, что природа больше, чѣмъ творческая и познающая мысль человѣка—блѣдное ограниченное отраженіе природы, одно изъ ея безчисленныхъ отраженій въ ней самой.

Но самонаблюденіе непосредственно говоритъ вѣдь намъ, что представленіе—совсѣмъ не то, что чувство, а чувство—совсѣмъ не то, что воля?.. Ничего такого „непосредственно“ самонаблюденіе не говоритъ. Оно только различаетъ три области фактовъ сознанія, т. е. констатируетъ, что представленіе—не совсѣмъ то, что чувство, и не совсѣмъ то, что воля. Больше этого „непосредственный“ способъ изслѣдованія дать не можетъ. А это ничуть не противорѣчитъ той идеѣ, что всѣ факты сознанія разлагаются на энергетическія измѣненія опредѣленныхъ формъ движенія, называемыхъ центрами сознанія. Изъ сходныхъ элементовъ могутъ составляться очень различныя сочетанія.

Признавъ, что и образы сознанія, и побужденія слагаются изъ элементовъ, существенно сходныхъ съ элементами чувства, мы получаемъ ключъ къ пониманію того всеобщаго психологическаго факта, который называется „чувственнымъ тономъ“. Если подъ именемъ удовольствія и страданія различаются повышенія и пониженія относительной энергіи центровъ сознанія, по крайней мѣрѣ тѣ, которыя входятъ въ область сознанія ¹⁾, и если изъ подобныхъ количественныхъ измѣненій слагаются всѣ факты сознанія, то, разумѣется, невозможно представить себѣ такой фактъ сознанія, который былъ бы совершенно лишенъ характера удовольствія или страданія. Съ этой точки зрѣнія какой-нибудь образъ сознанія является „образомъ“ только въ качествѣ сложнаго сочетанія простѣйшихъ элементовъ, которые, взятые въ отдѣльности, вполне сходны съ положительными и отрицательными элементами чувства. Такъ и нарисованная картина только въ своей сложности и цѣльности можетъ называться картиной, а каждый изъ простѣйшихъ, доступныхъ зрѣнію элементовъ этого цѣлаго есть только элементъ свѣта или тѣни. При взглядѣ на картину глазъ легко опредѣляетъ, какой въ ней господствуетъ изъ этихъ основныхъ тоновъ—свѣтлая она или темная.—Аналогично этому, образъ сознанія необходимо оказывается пріятнымъ или непріятнымъ, смотря по тому, преобладаютъ ли въ немъ положительные или

¹⁾ Какъ увидимъ, есть основанія думать, что не всякое количественное измѣненіе энергіи этихъ центровъ можетъ являться фактомъ сознанія въ обычномъ смыслѣ слова.

отрицательные энергетическіе элементы. Тотъ или иной чувственный тонъ образа опредѣляется какъ-бы подсчетомъ повышеній и пониженій энергіи.—Слѣдовательно, чувственный тонъ, вообще говоря, не „присоединяется“ къ представленію или ощущенію (какъ склонны полагать нѣкоторые психологи), но „отвлекается отъ него, будучи реально неотдѣлимъ отъ него, искусственно выдѣляется изъ него познаніемъ. „Однако, вѣдь картины не всегда двухцвѣтны, а образы сознанія тѣмъ менѣе могутъ быть сведены къ двумъ тонамъ—къ повышенію и пониженію энергіи“. Напомнимъ, что различія цвѣтныхъ лучей суть количественныя различія въ строеніи, видимому, даже только въ длинѣ свѣтовыхъ волнъ, и слѣдовательно, приходится думать, что „качественныя“ различія воспринимаемыхъ цвѣтовъ сводятся къ комбинированнымъ количественнымъ: подобнымъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что сложные сочетанія двухъ основныхъ тоновъ сознающей психики, не разлагаясь непосредственно познаніемъ, представляются для него качественно несходными элементами образовъ.

Во всякомъ случаѣ, всѣ различные виды образовъ сознанія обладаютъ нѣкоторыми общими чертами, которыя отличаютъ ихъ отъ явленій чувства. Если составные элементы и сходны въ обоихъ случаяхъ, то сочетаніе этихъ элементовъ въ представленіяхъ и ощущеніяхъ отличается во-первыхъ—гораздо большею сложностью; во-вторыхъ—опредѣленностью, т. е. значительною степенью отдѣльности и внутренней связи, въ-третьихъ—устойчивостью, которая обнаруживается въ томъ, что эти факты сознанія могутъ много разъ повторяться безъ замѣтныхъ измѣненій.—Тѣ душевныя состоянія, которыя обыкновенно обозначаются словомъ „чувства“, т. е. въ которыхъ собственно чувство преобладаетъ надъ представленіемъ, отличаются своей большей простотой, неопредѣленностью и неустойчивостью. Таковы, напр., эмоціи или душевныя движенія—любовь, радость, страхъ, гнѣвъ и т. под.

„Чистое“ представленіе и „чистое“ чувство одинаково невозможны. Образъ сознанія, совершенно лишенный чувственного тона, былъ бы образомъ, построеннымъ изъ ничего. Даже самая отвлеченная, самая холодная и сухая изъ формулъ науки не можетъ быть безразлична въ смыслѣ чувства, если ея первичныя слагающіе элементы суть количественныя измѣненія энергіи центровъ сознанія, т. е. тождественны съ элементами чувства.—Но и чувство никогда не можетъ быть вполнѣ лишено тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ представленіе: сложность, опредѣленность, устойчивость, хотя бы въ слабой степени, можно всегда констатировать въ явленіяхъ чувства.

Опредѣленность образовъ достигаетъ высшей степени въ зрительныхъ впечатлѣніяхъ, а самую низшую ея степень представляютъ

такъ называемыя органическія ощущенія—голодъ, жажда, удушье, „сердечная тоска“, общая слабость... Подобныя ощущенія обыкновенно даже обозначаются терминомъ „чувство“,—настолько въ нихъ выступаетъ на первый планъ ихъ чувственный тонъ.

Большинство обычныхъ состояній сознательной психики таково, что ихъ всего правильнѣе сравнить съ картиной, состоящей изъ нѣсколькихъ опредѣленныхъ, болѣе или менѣе рѣзко очерченныхъ фигуръ, и неопредѣленнаго, расплывающагося, волнистаго фона, который ихъ окружаетъ. Такъ соединяются въ одномъ непрерывномъ процессѣ сознанія опредѣленность образовъ и неопредѣленность чувства, которое, такъ сказать, заполняетъ ихъ поры и промежутки.

На побужденіяхъ и на ихъ отличіяхъ отъ представленій и чувствъ здѣсь нѣтъ надобности останавливаться, такъ какъ современный психологическій анализъ разлагаетъ ихъ на элементы представленія и чувства.

Энергетическое пониманіе сознательно-психическихъ явленій помогаетъ уяснить, между прочимъ, смыслъ того положенія, по которому во всякихъ внутреннихъ противорѣчіяхъ, даже чисто познавательныхъ, рѣшающій голосъ принадлежитъ чувству.—Это означаетъ, что тамъ, гдѣ между образами сознанія возникаетъ борьба, противорѣчіе—тамъ они выступаютъ для познанія въ своей непосредственно-сравнимой, количественной формѣ—чувства.

§ 4.

Генезисъ элементовъ сознанія.

Переходимъ къ вопросу о біологическомъ происхожденіи различныхъ элементовъ сознанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, силою логики мы станемъ лицомъ къ лицу съ другимъ труднымъ вопросомъ о противоположеніи сознанія и безсознательнаго.

Область психологіи амёбъ и другихъ простѣйшихъ организмовъ очень мало изслѣдована наукою. Тѣмъ не менѣе существуютъ кое-какія данныя, а изъ нихъ, пользуясь логикой и законными аналогіями, можно сдѣлать еще нѣкоторые выводы.

Обособленной психической системы у одноклѣточныхъ организмовъ нѣтъ: роль такой системы играетъ вся клѣтка въ ея цѣломъ. Проявленія психики въ высшей степени несложны; это рядъ самыхъ простыхъ рефлексовъ, сводящихся къ двумъ группамъ: рефлексъ, приближающіе клѣтку или часть ея къ тому внѣшнему объекту, который обуславливаетъ раздраженіе, и рефлексъ, удаляющіе отъ раздражителя. Движенія клѣтки, въ томъ и другомъ случаѣ, представляютъ очень мало разнообразія. Судя по этому, можно предположить, что клѣтка, „различая“ вообще полезныя влиянія отъ вредныхъ, дальше „этого“ весьма немного

идеть въ своемъ „различеніи“; повидимому, она еще неодинаково относится къ болѣ слабымъ и болѣ сильнымъ изъ тѣхъ и другихъ. Представляетъ-ли изъ себя „полезное“ раздраженіе питательную частицу или свѣтовой лучъ, амёба одинаково начинаетъ переливаться въ сторону раздражителя; только скорость этого движенія окажется различной, смотря по энергіи внѣшняго вліянія. Вообще-же реакція удаленія соотвѣтствуетъ сравнительно сильнымъ, и особенно возрастающимъ, въ своей силѣ, раздраженіямъ, тогда какъ болѣ слабымъ и болѣ постояннымъ соотвѣтствуетъ реакція приближенія, а самымъ слабымъ—отсутствіе реакціи, покой.

Если-бы мы предполагали въ амёбѣ сознание, то пришлось-бы сдѣлать выводъ, что оно сводится къ различію пріятнаго и непріятнаго и, можетъ быть, немногихъ степеней силы того и другого. Но если употреблять слово въ его обычномъ значеніи, то о „сознаніи“ одноклѣточного организма не можетъ быть и рѣчи. Упростимъ человѣческое сознание, ослабимъ его и лишимъ опредѣленности, въ той же мѣрѣ, въ какой надо упростить, уменьшить и лишитъ опредѣленности человѣческій организмъ, чтобы получить изъ него амёбу; тогда что останется отъ „сознанія“? Слишкомъ мало для того, чтобы примѣнять такой пышный терминъ. Однако, было бы также неправильно сказать, что не останется „ничего“. То, что остается, лишь количественно отличается отъ настоящаго „сознанія“. Абсолютной несознательности здѣсь еще нѣтъ. Уменьшая силу, сложность и опредѣленность сознанія, мы измѣняемъ только количество и сочетаніе тѣхъ элементовъ-измѣненій, изъ которыхъ оно складывается; а элементы эти тождественны съ элементами всѣхъ другихъ частныхъ процессовъ природы. Въ этомъ смыслѣ, абсолютная несознательность невозможна, такъ какъ она означала бы абсолютную неизмѣняемость, чистое небытіе.

Итакъ, первичный, извѣстный намъ, въ области жизни, зародышъ, изъ котораго должно было развиваться все грандіозное богатство человѣческой психики съ ея сознаніемъ и ея безсознательнымъ, сводится къ ничтожному числу двигательныхъ реакцій, въ которыхъ проявляется различіе полезнаго и вреднаго, слабаго и сильнаго раздраженія ¹⁾. Мы можемъ считать это за исходную точку міра рефлексовъ, инстинктовъ, чувства, ощущеній и воли. Въ какой послѣдовательности развертывался этотъ міръ?

Терминомъ „общая чувствительность“ обозначаютъ способъ

¹⁾ Можно думать, что и каждое движеніе клѣтки, которымъ она реагируетъ на внѣшнее раздраженіе, должно, подобно этому раздраженію, само по себѣ «ощущаться» клѣткою, такъ какъ и оно есть затрата ея энергіи во внѣшній міръ, количественное колебаніе ея жизненнаго процесса.

воспріятія виѣшнихъ раздраженій, предполагаемый у всѣхъ тѣхъ низшихъ организмовъ, которые не имѣютъ особыхъ органовъ виѣшнихъ чувствъ, или у которыхъ эти органы однообразны, не специализированы. У многокѣлочныхъ существъ подобнаго рода міръ ощущеній долженъ, главнымъ образомъ, количественно (т.-е. по обширности больше, чѣмъ по сложности), отличаться отъ „области различій“ амёбы. Ясность и раздѣльность ощущеній врядъ-ли можетъ значительно прогрессировать до появленія специальныхъ органовъ виѣшнихъ чувствъ. Чтобы получить приблизительное понятіе о томъ, что представляетъ общая чувствительность низшихъ организмовъ, можно воспользоваться, какъ наиболѣе вѣроятной аналогіей, сравненіемъ съ весьма слабыми и смутными ощущеніями удовольствія и страданія, въ различныхъ случаяхъ различными по интенсивности.

Однако, вѣроятно, еще на стадіи неспециализированныхъ органовъ виѣшнихъ чувствъ, къ различію пріятнаго и непріятнаго съ ихъ степенями, постепенно присоединяется, въ развитіи психики, такъ называемая „локализація“, т.-е. различіе тѣхъ частей организма, на которыя дѣйствуетъ раздражитель. Хотя амёба и реагируетъ, вообще, именно по тому направленію, въ которомъ идетъ раздраженіе, однако, врядъ-ли она сколько-нибудь опредѣленно различаетъ это направленіе отъ всякаго другого: тѣло амёбы, можно думать, такъ однородно, что раздраженія, идущія съ различныхъ сторонъ, не обладаютъ постоянными, взаимными отличіями, на которыхъ могло бы основываться различіе линіи ихъ дѣйствія; а если амёба начинаетъ двигаться именно по этой линіи, къ раздражителю или отъ него, то это объясняется не тѣмъ, что направленіе дѣйствія „ощущается“, а скорѣе тѣмъ, что въ раздражаемой части кѣлки непосредственно благодаря раздраженію раньше, чѣмъ въ другихъ частяхъ, начинаются измѣненія, которые служатъ на него отвѣтомъ.

Но дальнѣйшее развитіе должно было сдѣлать пограничныя части организма и внутреннія области, черезъ которыя проходитъ энергія раздраженій, болѣе разнородными и, въ результатѣ, явились постоянныя различія между раздраженіями, смотря по точкѣ ихъ приложенія, явилась „локализація“.

На чемъ могутъ основываться подобныя различія? Конечно, только на количественныхъ сочетаніяхъ тѣхъ измѣненій элементовъ, изъ которыхъ складываются ощущенія. Какъ большее или меньшее число звуковыхъ волнъ въ секунду обуславливаетъ раздѣленіе звуковъ на группы по ихъ высотѣ, а присоединеніе къ основнымъ тонамъ различныхъ по высотѣ и силѣ обертоновъ—раздѣленіе по тембру,—такъ неодинаковыя измѣненія, которымъ подвергаются виѣшніе толчки, при ихъ передачѣ черезъ различные части организма, порождаютъ постоянныя различія между

группами ощущеній. Положимъ, одна сторона тѣла амёбы въ силу измѣненій, упроченныхъ развитіемъ, отличается нѣсколько большей упругостью и подвижностью, чѣмъ другая; тогда раздраженіе, полученное на первой сторонѣ, передается тѣлу клѣтки, съ большей быстротой и полнотой, а также быстрѣе слѣдуетъ за нимъ реактивное движеніе самой клѣтки. Такимъ образомъ, амёба, получая толчки съ этой стороны, должна испытывать—„ощущать“—болѣе быстрый притокъ энергіи извнѣ и болѣе быструю затрату собственной энергіи, при болѣе короткомъ промежуткѣ между этими двумя моментами ощущенія, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда толчки получаются съ другой стороны. А если, сверхъ того, принять во вниманіе, что въ силу своеобразнаго строенія живой матеріи внѣшнее раздраженіе передается, обыкновенно, не въ видѣ одного толчка, а въ видѣ цѣлаго ряда прерывистыхъ толчковъ ¹⁾, то станетъ вполне понятно, какимъ образомъ изъ простыхъ колебаній силы и скорости элементарныхъ измѣненій могутъ сложиться безчисленные, несходные между собою, типы ощущеній.

Только при наличности *привычки* и *памяти* постоянныя различія между группами ощущеній могутъ стать дѣйствительно полезными, какъ основа локализациі, какъ исходная точка реакцій, направленныхъ сообразно мѣсту раздраженія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ съ амёбой несимметричнаго строенія, если существуетъ память, то даны всѣ условія для различенія амёбою двухъ сторонъ тѣла или двухъ группъ ощущеній—болѣе стремительныхъ, характеризующихся быстрымъ, рѣзкимъ переходомъ отъ повышенія къ пониженію энергіи, и сравнительно медленныхъ, съ болѣе медленностью въ смѣнѣ элементовъ „удовольствія“ и „страданія“.

Зародышевая форма привычки и памяти, какъ приходится думать на основаніи существующихъ наблюденій, имѣется уже у простѣйшихъ организмовъ. Механизмъ этихъ приспособленій не выясненъ до сихъ поръ съ точностью, но нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы при достаточномъ знакомствѣ съ физиологіей психической системы онъ могъ представить сколько-нибудь существенныя затрудненія для энергетической точки зрѣнія. Избитая аналогія явленій памяти съ фотографированьемъ и фонографированьемъ, по всей вѣроятности, не лишена разумнаго смысла.

Память означаетъ возникновеніе наряду съ непосредственными ощущеніями еще *представленій*, которыя ихъ отражаютъ и повторяютъ. Соединяясь съ ощущеніями, представленія придаютъ имъ большую интенсивность и опредѣленность; и по мѣрѣ того, какъ представленія въ силу частыхъ повтореній по законамъ развитія памяти становятся раздѣльнѣе и яснѣе, смутныя ощущенія постепенно смѣняются отчетливыми воспріятіями.

¹⁾ Какъ это показываютъ, на примѣръ, изслѣдованія о природѣ передаточнаго нервнаго тока.

Съ усложненіемъ организмовъ „общая чувствительность“ даетъ все болѣе разнообразный матеріаль для психики, хотя разнообразіе это имѣетъ своимъ содержаніемъ только новыя и болѣе сложныя комбинаціи все тѣхъ же элементовъ—измѣненій.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія возрастающая сложность и разнородность въ строеніи самаго организма, его воспринимающихъ элементовъ, приводитъ къ выдѣленію изъ „общаго чувства“ особыхъ, значительно различающихся между собою группъ ощущений, „спеціальныхъ“ внѣшнихъ чувствъ—мускульнаго чувства, осязанія, вкуса, обонянія, слуха, зрѣнія.... Только постепенно, въ рядѣ незамѣтныхъ переходовъ должна была пріобрѣтаться та рѣзкая опредѣленность, благодаря которой зрительныя, напримѣръ, ощущенія кажутся совершенно иными, чѣмъ осязательныя,—благодаря которой такъ сильно маскируется единство происхожденія и тождество элементовъ всѣхъ ощущений. Постепенность развитія частныхъ внѣшнихъ чувствъ изъ одного „общаго чувства“ была достаточно прослѣжена (на органахъ чувствъ) біологами-дарвинистами.

Между прочимъ, большой интересъ съ нашей точки зрѣнія представляетъ такъ называемое „иннерваціонное“ чувство, существованіе котораго долго отрицалось, но съ несомнѣнностью было доказано экспериментальной психологіей ¹⁾. Иннерваціоннымъ чувствомъ называется непосредственное сознаніе затраты энергіи на сокращеніе мускуловъ, непосредственныя ощущенія собственныхъ движеній организма, не передающіяся отъ периферіи къ центрамъ психики, а возникающіе въ самыхъ этихъ центрахъ. Съ энергетической точки зрѣнія возможность существованія иннерваціоннаго чувства становится особенно понятной. Если элементами сознанія являются измѣненія энергіи сознательно-психическихъ центровъ, то растрата энергіи этихъ центровъ на внѣшнее движеніе, конечно, можетъ входить въ область фактовъ сознанія. Далѣе, очевидно, что „чувственный тонъ“ иннерваціонныхъ ощущений, взятыхъ въ отдѣльности, долженъ быть отрицательный, такъ какъ пониженіе энергіи есть элементъ *страданія*.

Съ этимъ какъ нельзя болѣе согласуется психологическое положеніе, по которому *трудъ*, какъ затрата энергіи во внѣшній міръ, какъ источникъ иннерваціонныхъ ощущений, самъ по себѣ есть нѣкоторое страданіе. А въ правильности этого положенія врядъ-ли можно сомнѣваться. Въ ея пользу говорить и прямое самонаблюденіе, и исторія человѣчества, констатирующая, что люди во всѣ времена охотно сокращали свой трудъ, и филологія, указывающая на обычное происхожденіе въ различныхъ языкахъ отъ одного корня словъ, обозначающихъ „трудъ“ и „страданіе“.—

¹⁾ Съ помощью данныхъ патологіи нервно-мускульнаго аппарата.

Безспорно, существуетъ и „пріятный“ трудъ; но это вовсе не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что трудовая затрата энергіи можетъ сама по себѣ быть удовольствіемъ; нѣтъ, *пріятныя раздраженія*, получаемыя при процессѣ труда и благодаря ему,—не изъ самой затраты энергіи, а изъ внѣшней среды, воздѣйствующей на психическую систему,—могутъ перевѣшивать всю сумму страданія, какую трудъ, взятый въ отдѣльности, изъ себя представляетъ. И такой трудъ, если его лишить всякой связи съ его пріятными результатами, немедленно теряетъ характеръ удовольствія ¹⁾. Не даромъ *трудъ вообще* есть стоимость продуктовъ, отрицательная цѣна положительныхъ пріобрѣтеній человѣческой дѣятельности.

Далѣе, при энергетической точкѣ зрѣнія становится особенно простымъ и понятнымъ то соотношеніе воли и страданія, которое отмѣчали съ давнишнихъ поръ философы и психологи. Многіе изъ нихъ признаютъ, что въ основѣ побужденія всегда лежитъ страданіе, что удовольствіе не вызываетъ побужденій, не влечетъ къ дѣйствіямъ, и является чувствомъ вполне консервативнымъ.

Побужденіе, стремленіе къ дѣйствию всегда заключаетъ въ своемъ составѣ живое представленіе о самомъ дѣйствіи. Существенный элементъ такого представленія, какъ можно предполагать съ наибольшею вѣроятностью, состоитъ въ комплексѣ иннервационныхъ ощущеній, соответствующихъ ослабленному воспроизведенію самаго дѣйствія (или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ его моментовъ). Эти иннервационныя ощущенія представляютъ изъ себя нѣкоторую растрату нервной энергіи по направленію къ внѣшнимъ органамъ движенія, стало бытъ—извѣстное количество страданія. Въ этомъ смыслѣ воля и страданіе, дѣйствительно, нераздѣльны. Но реальная связь ихъ этимъ не ограничивается. Принимая во вниманіе громадную цѣлостность, высокое внутреннее единство психической системы, нетрудно понять, что въ массѣ случаевъ начинающаяся вслѣдствіе какихъ-либо условій растрата энергіи центровъ сознанія направляется, по крайней мѣрѣ отчасти, по произвольно-двигательнымъ путямъ, то есть „страданіе“ приводитъ къ дѣйствию или къ стремленію. Наоборотъ, удовольствіе—

¹⁾ Бываютъ случаи, когда организмъ чувствуетъ потребность въ какомъ бы то ни было физическомъ движеніи, когда доставляютъ удовольствіе совершенно, повидимому, безцѣльныя мускульныя сокращенія. Это зависитъ отъ того обстоятельства, что при недостаткѣ движенія кровеносная система перестаетъ дѣйствовать нормальнымъ образомъ, и становится для психики источникомъ непріятныхъ раздраженій; а физическое движеніе, помогая кровеносной системѣ придти въ болѣе нормальное состояніе, прекращаетъ эти непріятныя раздраженія. И здѣсь, стало быть, растрата психической энергіи пріятна не сама по себѣ, а по своимъ результатамъ,—пріятна потому, что останавливаетъ болѣе значительную растрату.

повышеніе энергіи центровъ сознанія—не находится въ такой прямой связи съ волею. Но оно стоитъ съ нею въ иной, болѣе косвенной, однако, не менѣе необходимой связи. Являясь накопленіемъ энергіи, удовольствіе создаетъ необходимыя условія для ея послѣдующихъ затратъ, въ томъ числѣ волевыхъ. Такимъ образомъ, оно способно, какъ говорится, „возбуждать“ волю. Извѣстная сумма удовольствій прямо необходима для того, чтобы стала возможною усиленная дѣятельность воли. Напротивъ, продолжительныя страданія обыкновенно расслабляютъ волю, убиваютъ стремленіе къ лучшему; истощая энергію психическихъ центровъ, они не оставляютъ запаса для дѣятельности воли. Какъ факты до извѣстной степени однородные, страданіе и воля могутъ конкурировать между собою. Наоборотъ, именно благодаря нѣкоторой противоположности воли и удовольствія, первая можетъ какъ бы питаться насчетъ второго.

§ 5.

Объ эмоціяхъ.

Теорія эмоцій Ланге (и Джемса) была крупнымъ шагомъ къ установленію монистическихъ взглядовъ въ психологіи. Она представляетъ сложныя психическія состоянія—эмоціи—какъ комплексы болѣе простыхъ, „чисто физическихъ“ ощущеній.

Согласно прежнимъ воззрѣніямъ, такъ называемыя душевныя движенія—радость, горе, гнѣвъ и т. под.—представляютъ изъ себя особыя состоянія психической „сущности“ и являются причиною тѣхъ физическихъ измѣненій, въ которыхъ выражаются: человекъ блѣднѣетъ и дрожитъ, потому что страхъ овладѣлъ его душой, онъ краснѣетъ, потому что почувствовалъ гнѣвъ... Современная теорія полагаетъ, наоборотъ, что сама эмоція представляетъ ощущеніе тѣхъ физическихъ состояній, которыя принято считать ея выраженіемъ: въ силу какихъ-либо внѣшнихъ воздѣйствій на центральную нервную систему произошло судорожное сокращеніе мускуловъ, сжимающихъ мелкіе артеріальные сосуды (человекъ блѣднѣлъ), и другихъ произвольныхъ мускуловъ, а также извѣстное необычное измѣненіе иннервации въ произвольнодвигательной системѣ (человекъ дрожитъ); ощущеніе всѣхъ этихъ физическихъ измѣненій и составляетъ эмоцію страха. Основнымъ элементомъ эмоціи Ланге склонены считать именно измѣненіе въ иннервации мускуловъ-сосудодвигателей; остальные элементы, особенно измѣненіе произвольной иннервации, онъ признаетъ производными, вытекающими изъ перваго.

Когда создавалась эта теорія, существованіе иннервационнаго чувства не было съ точностью доказано, и для Ланге всѣ му-